Уроки русского октября:

необходимое и неизбежное подведение итогов для того, чтобы возобновить путь к коммунизму

“Второй штурм неба” мировым пролетариатом, вслед за славной попыткой парижан в 1871 году, имел своё начало в русском Октябре. Надлом мирового капиталистического порядка, уходящий корнями в мясорубку первой мировой империалистической войны, позволил европейскому пролетариату, в отличие от французского, задумать, начать и сделать первые конкретные шаги мировой революции именно в России: “слабом звене” всей империалистической цепи. Победа в Петрограде и Москве при этом предоставила политическую власть пролетариату той нации, чьи насущные экономические задачи ещё имели буржуазно-демократический характер. Только расширение революции на промышленно развитое сердце Европы и, в частности, на Германию могло дать силу и экономическое содержание установленной в России политической власти пролетариата. Таким образом, будущее русской революции находилось за её пределами. Только соединив “две половинки яблока”, экономическую немецкую и русскую политическую, как сказал бы Ленин, мировая революция могла бы иметь положительный итог. Коммунистический интернационал должен был стать инструментом этого стратегического международного плана, для осуществления которого требовалось вновь поставить вопрос о коммунистической революции на Западе и о расширении буржуазно-демократической революции на Восток. Коминтерн был слишком молод и имел весьма слабые корни в Западной Европе, для того чтобы начать именно оттуда, он не соответствовал своей задаче. Эта задача не могла реализоваться в единственной стране - не начать выполняться, а именно реализоваться – поэтому эпилогом пролетарской революции стал немецкий март 1924 года.

В чём заключалась суть интернациональной стратегии революции? Какие были объективные условия по окончанию русской гражданской войны, которая хотя и завершилась победой, но оставила русский пролетариат и его власть в состоянии серьёзной и глубокой физической прострации? Было необходимо анализировать состояние мировой экономики. В результате этого анализа стало ясно, что идёт капиталистическое развитие Азии с одной стороны, а с другой, было установлено, что, несмотря на утверждение версальского капиталистического порядка, новые экономические кризисы и новые надломы империалистического порядка вновь вырисовываются на горизонте, создавая тем самым объективные предпосылки для того, чтобы молодая советская власть могла бы ещё раз попытаться зацепиться за следующий революционный кризис. Таким образом, открывалась борьба со временем. Как в Брест-Литовске, когда нужно было “уступить пространство для того, чтобы выиграть время”, так и сейчас в случае с НЭПом нужно было уступить пространство развитию крестьянской экономики и государственного капитализма, дабы завоевать время, необходимое для восстановления и укрепления советской власти, что позволило бы затем связать её с новыми перспективами кризиса и революции, которые, как известно, неизбежно снова открылись бы на Западе. Результат той борьбы со временем не был предрешён. Ленин это полностью понимал. Он не только не прятал этой проблемы, но именно её поставил в центр своего *политического доклада* XI съезду РКП(б), что прошёл в марте-апреле 1922 года. По этому случаю Ленин цитирует точку зрения Н. В. Устрялова, представителя той эмигрантской кадетской среды, которая через журнал *«Смена Вех»* заявила о поддержке русского политического курса с аргументацией следующего плана: *«Но эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это – тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут своё. Большевики могут говорить то, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать»*[1]. «*Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит,* - комментирует Ленин, - *Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это - основная и действительная опасность»*[2]. Чуть выше Ленин утверждает: *«Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать*

[1] - Цит. По В. И. Ленин, ПСС, изд. 5-ое, т.45, с.93

[2] - там же, с. 91.

прямо. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убеждённость, преданность и прочие душевные качества – это вещь в политике совсем не серьёзная. Превосходные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо»[3]. Для Ленина, как видим, политическая линия, тактика, тем более стратегия, всегда являются продуктом класса, который их выражает и, более того, сиюминутного изменения соотношения его сил с другими антагонистическими классами. Базироваться лишь на руководящей группе, пусть и проверенной, не слишком мудро, "не совсем серьёзно". Именно на таком понимании буквально накануне Ленин настаивал в письме в В. М. Молотову: *«Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, беспредельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет зависеть не от него»*[4]. Здесь Ленин высказывает опасение на счёт того, что уже смотрело ему в затылок, того, что началось через несколько лет при сталинизме. Его научное величие заключалось в том, что антагонизмы он видел ранее в их объективном движении, а не только в их субъективном отражении. Он их видел, прежде всего, в отношениях классовых сил, которые отражались в партии, а не в тех политических фигурах, что являлись выражением этого столкновения.

Вот значение и глубокий смысл НЭПа. Конечно, *«капиталисты будут выигрывать от нашей политики»*[5], как уже подтвердил Ленин в октябре предыдущего года, но *«будут создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т.е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат»*[6]. И в этой ситуации *«если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата»*[7]. Кто победит, кто добьётся своего в этой войне, нельзя знать заранее, - объяснял Ленин, - в том числе и по причине того, что *«чтобы тут победить – нужно опереться на последний источник сил. Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность»*[8]. Но *«опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы его должны создавать сами и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чём девиз и величайшая трудность этой задачи»*[9]. Но когда "опыту" можно противопоставить лишь "сознание", вопрос времени революции *«становится трудным для решения и граничит с неведомым»*[10]. *«Распространение революции на Германию,* - писал Черветто по данному поводу, - *могло бы объединить политическую власть в России с производительными силами в Германии и тем самым разрешить социалистические задачи производства и распределения. Политическое время в России слилось бы с экономическим временем в Германии, таким образом, подтолкнув вперёд стрелки часов социальной эволюции.*

Поскольку, однако, Германия «запоздала», время в России должно было следовать за темпами развития собственных производительных сил. Государственный капитализм мог обеспечить наибольшее ускорение из того, что было возможно. Штурм неба – мы могли бы сказать, штурм времени – вынужден был прерваться»[11].

---

[3] - там же.
[4] - там же, с. 20.
[5] - там же, т. 44, с.161
[6] - там же.
[7] - там же.
[8] - там же, с. 163
[9] - там же, с. 164
[10] - А. Черветто. Трудный вопрос времени. Изд. АНО «Центр международных исследований "Новый Прометей"», Санкт-Петербург, 2007 г, с. 45.
[11] - там же, с. 47